

Борис Алмазов

ПОСМОТРИТЕ-
Я РАСТУ

Борис Александрович Алмазов

Посмотрите, я расту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69802792

SelfPub; 2023

Аннотация

Повесть для детей. Послевоенное детство. Завершающая цикл из четырех повестей "Самый красивый конь", "Деревянное царство", "Считаю до трёх" и "Посмотрите, я расту", объединенных одними и теми же героями.

Борис Алмазов

Посмотрите, я расту

Глава первая «ТУДА НЕЛЬЗЯ, СЮДА НЕЛЬЗЯ!»

– Никуда без воспитателя нельзя! – сказал офицер, снял фуражку и стал вытирать платком бритую голову.

Он долго вытирал, потому что мы все вопили, орали и ма-сали руками. А как же нам не орать?! Только что тётенька в шляпе с пером, с блестящим ридикулем в руках громко говорила:

– Дорогие наши дети! Шефы сделали всё, чтобы вы, на-ша будущая смена, набирались здоровья. Несмотря на по-слевоенную разруху, построили вам этот замечательный пи-онерский лагерь. Здесь есть густой бор, чудесная речка, лу-га, пруд.

А этот лысый офицер – как обухом по голове:

– На речку нельзя! В лес – нельзя! На лугу гулять только в отведённых местах!

Тут не хочешь, да закричишь!

Я сначала замычал вместе с ребятами из старших отрядов, а Серёга засвистел. У него как раз недавно нижний зуб вы-пали – ему свистеть удобно. Я свистеть не умею, и я закри-

чал громко:

– А-а-а!..

Серёгу совсем не стало слышно, он свистеть перестал и завизжал. Тогда я набрал полную грудь воздуха да как рявкну:

– Ур-ра-а!

У меня так громко получилось, что все замолчали.

– Ты чего? – спросил Серёга. – Чего ты радуешься? Я совсем не радовался, просто «ура» само выскочило. Офицер ещё раз вытер голову платком. Лицо у него было

очень загорелое и лысина совершенно белая, будто тубейка надета.

– Ну что? – спросил он замученным хриплым голосом. – Наорались? Головастики с ногами!

Мне представилось, что я головастик и как будто плыву. Я стал извиваться. Алевтина Дмитриевна так на меня посмотрела, словно хотела проглотить, как щука. Она – наша пионервожатая, должна порядок поддерживать; когда мы орать начали, так она вся красная сделалась.

– Ну, так вот, – продолжал офицер, – орать вы умеете. Орали хорошо. Соображаете хуже. Товарищи дети! – Офицер заложил руки за спину, и солнышко тускло засверкало в облупленном ордене Красной Звезды на его кителе. – Страна лежит в развалинах. Люди с ног валяются у станков и в полях. А вас в лагерь послали! Вас питанием обеспечили: отдыхайте, набирайтесь сил, граждане СССР! А вы орёте! Я же не для

своего удовольствия вам без взрослых ходить не веляю. Здесь три года фронт стоял. Фашисты вот здесь, в тридцати километрах от нашего города, сломали себе шею! В этих лесах! — Он поднял над головой кулак и закричал, словно перед ним стояли не мы, а целая дивизия: — Шли ожесточённые бои! Земля тут буквально набита взрывоопасными предметами. Повторяю: никаких железок не поднимать, увидите проволоку — не дёргать! А то беды не миновать. Это я вам точно говорю! Поздравляю вас, товарищи дети, с пионерским летом. Но предупреждаю: кого поймает в зоне разминирования, — ноги повыдергаем и в уши вставим... — Офицер даже как-то расстроился, отдал честь, сел в пыльный газик и уехал.

Я попытался представить, как это будет выглядеть, когда ноги в уши вставят, и все ребята тоже задумались.

— А сейчас,—прокричала Алевтина Дмитриевна,—Ира Осипян скажет ответное слово нашим дорогим шефам!

Ирка у нас всегда приветствия говорит. И сейчас она шустрой походкой вышла к флагштоку, на котором развевался только что поднятый алый флаг.

— Во! — говорю. — Сейчас пластинку заведёт. Ирина-Мальвина, как будто балерина.

Тут меня Серёга как треснет по затылку. Я маленького роста, так меня всегда вперёд ставят, а Серёга длинный, как жердь, — сзади. Он в Ирину-Мальвину с первого сентября влюбился. И теперь кто про нее, что скажет — сразу драться лезет.

– Ах, ты!—повернулся я.—Жених и невеста, тили-тили-тесто!..

Но мне неудобно с ним драться: он – дылда, я – маленький. Пока я его за рубаху схватил, он мне ещё в лоб кулаком попал. Я в него вцепился – ногами пинаю. Алевтина подскочила. Стала нас растаскивать.

– Как твоя фамилия?

– Хрусталёв, – говорю.

– Выйди из строя! Будешь наказан! А ещё октябрёнок-будущий пионер.

– А Кирьянов первый начал, – Липский пищит.

– И Кирьянов – выйди из строя! Стыд какой! Перед шефами Драку затеять!

Тётка с пером – это она шеф – головой качает, перо на шляпе качается.

– Ай-яй-яй! Как не стыдно! Ну-ка, сейчас же проси прощения.

– И не подумаю! – говорю.

– Ах! – говорит тётка. – Такой маленький, а уже такой упрямый. Нужно о его поведении родителям сообщить!

Ирка видит – такое дело. Как завопит пронзительным голосом:

– Дорогие наши шефы! Хочется от всей души, от всего сердца сказать вам огромное спасибо...

Тётка с пером заулыбалась, Алевтина салют пионерский отдала. Главное, от меня отстали.

Стою я перед строем, как пугало, и думаю: «Зачем я в этот лагерь согласился ехать? Жил бы себе дома! Это всё мама:

«В лагере воздух, ты заоришь, окрепнешь...» А бабушка говорит: «Там – питание». Но я не из-за питания поехал. У нас комната маленькая. Маме чертёжный станок поставить негде. А у неё в этом году диплом! Если же я в лагерь поеду, то можно мою кровать вынести, и тогда чертить будет свободнее... Вот поэтому я и согласился, а не потому, что питание.

Я стою перед строем, Ирка стихи читает про счастливое детство. По моей сандалиии муравей бежит. Я стою наказанный, а он бежит. Он бежит куда хочет, потому что он не наказанный! Рядом с муравьём две капли упали. Это у меня из глаз. Меня же первый раз в жизни наказали! Меня никогда раньше не наказывали.

Глава вторая **ПОДУШЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК И КРЕЙСЕР «ВАРЯГ»**

Горнист заиграл. Отряды один за другим пошли к своим палатам. Я не заметил, как исчез Серёга. Но мне никто не говорил, что меня простили, и я остался один на усыпанной жёлтым песком площадке. Флаг хлопал над моей головой.

Меня никогда не наказывали и даже ругали очень редко. Можно сказать, вообще не ругали. Нужно, чтобы человек понял, что он поступил плохо. Но для этого совсем необязательно ругать и в угол ставить. Я, например, сразу по мамин-

ному лицу вижу, если что не так. Она только посмотрит на меня – и всё!

Серёгу Кирьянова отец ремнём порет, так он боится. Как на него отец строго посмотрит, так он сразу вопить начинает: – Папочка, миленький, я больше не буду...

А я не боюсь. Мне жалко маму.

Один раз я заигрался с ребятами на соседней улице до темноты, а когда пришёл домой, то мама с бабушкой сидели в комнате, и свет не горел. Я включил, и мне так стало нехорошо. Я бегал, про них совсем забыл, а они тут в темноте сидят и ждут меня.

Когда мне плохо, лучше всего помогает Подушечный Человек. Мне его бабушка сделала, когда я совсем маленький был. Тогда шла война и никаких игрушек не было. Бабушка взяла мою подушку и пришила к ней ручки и ножки, и вышила лицо нитками. Получился Подушечный Человек. Я пока в первый класс не пошёл, без него заснуть не мог.

Я его очень берёг. Когда начиналась бомбёжка – первым делом хватал его и бежал на Савинский бугор за домом, там у нас была щель вырыта. И сидел там с Подушечным Человеком в обнимку.

Однажды Ирина-Мальвина пришла ко мне поиграть (она же со мной в одном доме живёт и в нашем первом «а» учится), увидела Подушечного Человека и спрашивает:

– Это что? Я говорю:

– Не что, а кто.

– А как его зовут? Я даже удивился:

– Как это – как зовут?

Разве у моего Подушечного Человека может быть имя, что он, кукла, что ли? В куклы только девчонки играют.

Я люблю вечером обхватить его руками, сесть на подоконник и сидеть тихонечко – смотреть на звёзды.

Один раз мама спрашивает:

– Ёжик, что ты притих? Поиграл бы.. .

– Не трогай его, – бабушка говорит. – Он и так играет. – Погладила меня по голове и добавила: – Он растёт.

Я вспомнил бабушку, маму, Подушечного Человека – и мне стало ещё грустнее. И слезы закапали ещё быстрее. Я их вытираю, а они снова на щеках появляются... Я, конечно, виноват, что над Ириной-Мальвиной смеяться стал, но ведь Кирьянов первый драться полез, я его не трогал...

Вдруг мне на макушку легла ладонь. Большая. Горячая. Оглянулся, – тётя Паша, наша повариха, стоит.

– Ты это тут чего? – спрашивает. – Ой, да и слезы! А ну пойдём со мной!

– Как же,—говорю,—я пойду? Я же наказанный!

– Я с тебя наказание снимаю.

– Но меня же пионервожатая наказала.

– А кто, по-твоему, главнее? – спрашивает тётя Паша. – Если она забудет горнисту приказать, так он и сам в дудку прогудит. А ежели я обед не сготовлю? Чего будет? А? Ну, пойдём, пойдём, а то обрыдался весь.

Мы прошли через лагерь, мимо длинной столовой, где девочки из второго отряда расставляли на столах тарелки, обносили кухню, откуда пахло замечательными капустными щами. За кухней был маленький дворик, стоял стол. И под навесом пыхтел титан. За столом сидел дяденька в тельняшке и пил чай.

— Вот, — сказала тётя Паша, подтолкнув меня своим огромным животом к столу. — Вот компанию тебе, Толя, привела. Штрафник. Из наказанных, значит.

— Честь и место, — сказал дяденька, подвигаясь на скамейке. — За что взыскание?

— Подрался, — ответил я с трудом, потому что слезы стояли совсем близко.

— Ну-ну-ну... — Он погладил меня по голове. — Не огорчайся. Это всё семечки. Не беда, что сейчас плохо, дай срок, будет ещё и хуже...

— Ну-ко, — тётя Паша ловко очистила огромным ножом и подала мне здоровенную морковку, — попробуй для аппетита.

Но морковка не лезла мне в горло. Потому что нос у меня ещё хлюпал.

Дяденька словно не замечал моего настроения.

— Вот чаю попьём и будем с тобой дрова на завтра пилить. Зовут-то тебя как?

— Боря.

— Эх, Боря, не видать бы тебе горя! — вздохнул он. — А

меня дядя Толя. Да ты не расстраивайся... Ты мне как бы в помощь пришёл, а то одному пилить не сподручно. Пила-то о двух концах. Ну, пошли. Морковку я в газетку заверну. Потом съешь, как проголодаешься.

У маленького сарайчика земля была мягкая от опилок. Дядя Толя вытаскивал из штабеля большие плахи, клал на козлы, и мы пилили. Когда я уставал, дядя Толя брал топор и с уханьем колот чурбаны на белые чистенькие полешки. Я бегал вокруг, подбирал их и укладывал в поленницу. Дрова так приятно пахли, а дядя Толя так ловко их колот, да ещё всё время приговаривал: «Берёза-берёза трещит от мороза... Осина не горит без керосина»,—что я скоро словно забыл, как стоял перед строем и плакал.

– Перекур!

Мы сели на скамеечку под деревом, где в землю была вкопана бочка с водой.

Дядя Толя свернул из газеты папироску трубочкой, а я достал из кармана морковку и стал грызть.

Над нами плыли облака, по крыше сарая прыгали воробьи, а высоко-высоко в небе переливчато свистел жаворонок.

Хоть и большая была морковка, а сгрыз я её очень быстро. Она так и брызгала соком, даже ладони у меня стали оранжевыми. Я вытер их о доски скамейки, посмотрел на облака, поболтал ногами, а дядя Толя всё молчал, всё покуривал козью ножку.

– А вы моряком были? – спросил я.

– Нет, – ответил он и разгладил тельняшку на груди. – Это сыночка моего, Шурика, память.

Он загасил аккуратно окурок, положил его за ухо, и мы опять взялись за пилу.

– Я в ополчении был, да недолго. Контузило меня. А Шурик, сынок мой, до войны срочную на флоте служил, вот и присылал тельняшки да брюки клёш. А в сорок первом пошёл в морскую пехоту, на Невский пятачок... – Плашка развалилась, дядя Толя поднял с земли чурбан и прижал его к себе, как ребёнка или как снаряд. – Но первому ледочку пошли они, милые, по Неве. Ботиночки машинным маслом, последышками, смазали, бескозырочки набекрень, винтовочки на перевес...

И он замолчал, глядя куда-то поверх крыши сарая, точно видел белоснежную гладь замёрзшей реки и цепи моряков в чёрных бушлатах.

– Дровосеки! – позвала из кухни тётя Паша. – Обедать.

– Пойдём руки мыть!

Тётя Паша поставила на щелястый стол тарелки со щами.

– Мне же в отряде обед дадут, – сказал я.

– Ничего. С отрядом второй раз покушаешь. Жерновок-то у тебя сейчас хорошо мелет. – Она хлопнула меня по животу. – Ешь. Тебе расти надо.

Ели молча. Дядя Толя осторожно нёс ложку, подставляя под неё кусок хлеба.

Потом были макароны и компот.

– Перекур с дремотой! – сказал дядя Толя после обеда, и мы уселись на солнышке, у стены кухни, где уже сидели две нянечки и судомойка.

Нянечки разговаривали, а судомойка, совсем ещё молоденькая, конопатая девчонка, тихонечко напевала:

– Что стоишь, качаясь, тонкая рябина.. .

Я эту песню люблю. Я вообще люблю песни и петь люблю. Но мне нравятся взрослые песни. А в школе поём: «Серенькая кошечка села на окошечко, хвостиком виляет, деток собирает...» Села на окошечко—и пускай сидит. Мне-то какое дело до этой серенькой кошечки? Я по-настоящему пою дома, а в школе только так, рот открываю: «Патоку соберём, варил дядя Симеон...» Что за патока такая? Зачем её дядя Симеон варил?

Дома мы поём на два голоса. Я – первым, мама – вторым. Только она поёт редко, потому что занята всё время: работает, учится. Я один раз пел про рябину. А мама говорит бабушке:

«Смотри, наш Ёжик поёт, как большой, словно всё понимает!» Мама думала, я не слышу её слов. А я слышал. Конечно, я всё понимаю. Это ведь песня не про дерево, хоть оно и красивое, это про людей. Про то, как грустно, когда человек один остаётся. Вот моя мама, и я, и бабушка – как бы нам хорошо было с папой жить, но его убили на войне, вот и «нельзя рябине к дубу перебраться». Значит, это пес-

ня про нас. Это и про дядю Толю, про его сына-моряка... А про рябину поётся, чтобы никому обидно не было: вроде эта песня только про деревья, а там понимай сам.

— А вот, — сказал дядя Толя, — нам сейчас народный артист республики Боря споёт или стих скажет.

Нянечки и судомойка заулыбались и захлопали в ладоши. Я решил, что спою свою самую любимую песню про крейсер «Варяг». Я встал, потому что не такая это песня, чтобы ее сидя *петь*. Я когда эту песню пою, у меня на руках гусиная кожа делается.

Наверх вы, товарищи, все по местам!

Сначала получилось негромко, потому что трудно так сразу, с бухты-барахты *петь*. Но посмотрел я на дядю Толю, на его тельняшку, и запел во весь голос:

... Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает!

У нас есть старые журналы «Нива», и там на фотографиях и этот крейсер, и красивые старинные моряки с усами... И море в столбах взрывов.

... Из пристани Верной мы в битву пойдём

Навстречу гряде шей нам смерти!

За Родину в море открытом умрём. . .

Я когда это пою, мне кажется, что в руках у меня знамя и вокруг плечом к плечу стоят матросы. Некоторые падают, потому что «свистит, и гремит, и грохочет кругом... И судно охвачено морем огня».

Из дверей кухни вышла тётя Паша, руки у неё были в тесте, но она даже не отирала их.

Прощайте, товарищи, с Богом. . .

Голос у меня сорвался, потому что у меня всегда в этом месте в горле появляется ком.

– Ура! – вдруг выдохнул дядя Толя. Он обхватил меня рукой и прижал к себе. И мы запели вдвоём:

Кипящее море под нами!

Не думали, братья, мы с вами вчера,

Что нынче умрём иод волнами!

Мы спели, но я всё ещё не мог отдышаться, и сердце у меня громко билось. Тётя Паша подошла и поцеловала меня.

– Да!—сказал дядя Толя хриплым голосом.—Хорошо. Даже очень замечательно! Высоко спел!

– Хрусталёв! – услышал я за своей спиной. – Вот ты где! Отряд его по всему лагерю ищет, а он тут песни распевает!

Я обернулся. Позади меня стояла разъярённая Алевтина Дмитриевна.

– Алюшка! Да ты что! – заговорила тётя Паша. – Да ты его не ругай!

– Тётя Паша! Вы представляете, у меня октябрёнок пропал! Вы представляете, что я переживаю! Я же отвечаю за каждого!

– Да мы сами виноваты, – сказал дядя Толя. – Ты, доченька, его не ругай...

– Как не ругать! Сорвал линейку! Ушёл куда-то без спро-

су!

– Да это мы его задержали! Он нам помогал тут!

– Хрусталёв! Марш немедленно в отряд! И чтобы близко около кухни тебя не было.

– Ступай, сынок, ступай! А ты, девонька, сильно-то не шуми...

Я не стал слушать, что они там будут говорить. Повернулся и пошёл к нашей палате.

Глава третья **ТИХИЙ ЧАС-НЕ ДЛЯ НАС!**

– Где ты был?—спросил Серёга, когда я пришёл в палату. – Алевтина мяч принесла. После тихого часа в футбол будем играть.

– Настоящий мяч?

– С крышкой и с камерой! Футбольный! У нас как раз две команды набрались!

– Чего ж вы меня не подождали! Эх, ты! А ещё друг!

– А всё равно тебе сговариваться не с кем. Нет тебе пары. Один Лина остался. Хочешь, сговоришься с ним. Я побежал искать Липского. Он стоял по колено в пруду.

– Липа! Вылазь! Аида на футбол сговариваться.

– Не-а!

– Да ты что! Мяч новенький! Кожанный!

– Не-а! – повторил Липа, нашаривая руками что-то в воде. – Я в футбол не играю: могут подкувать. Бутсов у вас нет. Как куванут под коленку, всю жизнь хромать будешь. И ты, Хрустя, не ходи. Давай лучше земноводных тритонов ловить.

– Каких ещё тритонов?

– Во!—Липа поднял над головой банку. – Видал, какие тритончики. Во, какие хорошенькие! – Липа вытащил одного. И начал поглаживать его по спинке. – А лапочки какие хорошенькие! Как ручки! Хочешь подержать?

– Липа!—сказал я. – Тритоны твои никуда не денутся, а там играть начнут. Пойдём только сговоримся, а потом, глядишь, кого-нибудь куванут – и тебе уйти можно будет.

– Меня и куванут. Не пойду. Я ещё лягушек наловлю, головастика – можно будет живой уголок организовать.

– У, Липа несчастный! Я вот возьму и всех твоих тритончиков хвостатых повыкину из банки!

– А я тебе в койку пиявок понапускаю или ужа принесу, – невозмутимо сказал Липский и опять полез в воду.

«Бери ложку, бери хлеб, собирайся на обед!» —запел горн, и отряды пошли в столовую. Там я нашёл себе напарника из шестого отряда. Он, правда, на год или на два нас старше, но ничего, не дылда. Мы хотели сразу бежать играть после обеда, но Алевтина Дмитриевна отобрала мяч и велела два часа спать.

Мы нехотя разделись, легли. За раскрытым окном ветерок шевелил листья на кустах и деревьях, и солнечные зайчики прыгали по дощатому потолку.

– Я Наполеон! – сказал Федул не из нашего класса. Он поднялся на кровати, а подушку углом на голову надел.

– Батарея! – закричал Серёга. – Огонь!

Штук пять подушек полетело в Федула. Он так и сел. Как начали мы подушками кидаться! Простыни развеваются! Пух летит! Прибежала Алевтина Дмитриевна.

— Это что такое? Немедленно лечь и успокоиться! Только мы легли, слышим — в соседнем домике у девчонок визг поднялся. Она — туда. Тут Серёга вскакивает:

— Тихий час—не для нас!

И опять кутерьма началась. Алевтина Дмитриевна то к нам, то к девчонкам бегают. Как прибежит — всё стихнет. Мы лежим, глаза закрыты, только пух в воздухе плавает. Уйдёт — опять сражение!

Мне Федул как закатал подушкой по голове. Я наметился в него, а тут дверь открывается — и подушка прямо Алевтине Дмитриевне в лицо. Все так и ахнули.

— Ну, всё! — прошептал Липа. — Теперь тебя из лагеря выключат.

Сразу стало тихо. Алевтина Дмитриевна ничего не сказала, так и стояла с подушкой в руках. Глаза у неё широко открылись и губы дрожали. Потом она положила подушку и молча вышла.

— Не заметила, кто в неё попал. Повезло тебе! — сказал Серёга. — Эй, вы! Кто Хрустю продаст — смотрите!

— Спать давайте! — сказал Федул не из нашего класса, и все завопили, укрываясь одеялами. Скоро многие засопели.

А я никак не мог уснуть — всё вспоминал, как у Алевтины губы затряслись. «Так ей и надо!—говорил я себе.—Бу-

дет знать, как меня наказывать. Маме она моей пожалуется! Вот и хорошо, что попало ей подушкой». Но на душе было скверно.

Мальчишки и девчонки нашего отряда жили в разных домиках. Алевтина помещалась в комнатке в девчоночной палате, а у нас – тётя Паша. Я как раз лежал у тоненькой фанерной перегородки, которая отделяла нашу палату от тёти Пашиной комнаты. Вдруг там хлопнула дверь, и я услышал голоса.

– Да что ты, доченька, так убиваешься! – говорила тётя Паша. – Ведь они небось нечаянно, не специально!

– Не утешайте меня! – отвечал голос Алевтины. – Они меня совершенно, совершенно не уважают, ни капельки... Попали подушкой в лицо, ну хоть бы извинились... А этот Хрусталёв! Такой маленький и такой злой! – И она вдруг всхлипнула.

«Значит, видела, что я попал!»—подумал я.

– Ну не расстраивайся! Не надо!

– Кинули, попали в лицо, и никто не признался! Никто! «Значит, не видела!»—подумал я.

– Да ты не расстраивайся. Может, ещё признаются... Самой-то тебе сколь годов?

– Семнадцать.

– Э-э-эх! – вздохнула тётя Паша. – Тебе бы не пионервожатой, а пионеркой в лагерь поехать. Сама ты ещё ребёнок.

– Ну что вы говорите такое!—возразила Алевтина. – Я же

через год техникум кончу! Ведь сейчас у меня практика. Тётя Паша, я ведь через год буду учительницей, я так боюсь, что вдруг не смогу их любить. Я так стараюсь для них, а они все какие-то замкнутые, злые..

Вот тебе раз! Алевтина, которая мне казалась ужасно взрослой, недоброй и несправедливой, которая заставила меня стоять перед строем, перед семью отрядами на линейке, которая посмела меня наказать, и наказать напрасно, потому что я не был виноват, а если и был виноват, то не настолько, чтобы по-орить меня на весь лагерь, — эта Алевтина плакала.

Я её ударил! То есть не то что ударил, а попал подушкой. О это одно и то же. Представляю, что сказала бы об этом мама или бабушка.

Они поставили бы меня перед портретами. У нас над бабушкиной кроватью висят три портрета: дедушки, дяди и моего папы, и за каждым портретом заткнута тоненькая серая умажка. Похоронка. Там написано: «Ваш муж» (это дедушка), а в двух других: «Ваш сын» (это дядя и папа), а дальше:

"проявив мужество и героизм, пал смертью храбрых в боях а свободу и независимость нашей Родины».

Бабушка поставила бы меня перед портретами и сказала: — Им стыдно за тебя! И мне стыдно! Я плохая бабушка, не могу воспитать тебя как следует.

«Вставай, вставай, рубаху надевай!»—запел горн. Тихий

час кончился.

«Что же мне делать?»—думал я за полдником, посматривая на пионервожатую. Она прохаживалась между столами, глаза у неё были красные.

Когда мы сговаривались с тем мальчишкой из шестого отряда, чтобы играть в футбол, я всё никак не мог придумать себе лово, ну, чтобы подойти к капитанам и сказать: «Мать, мать, что тебе дать: овёс или пшено, воду или камень?..» — ну, или щё что-нибудь.

Стали играть — по мячу попасть не могу, два раза такой момент был, что чистый гол получался, а я всё мимо да мимо.

Тут Серёга подходит.

— Знаешь что! — говорит. — Ты или играй, или уматывай!

— Может, ты заболел? — Колька Осташевский спрашивает.

— Да гоните этого хилытика! Я вам сейчас хорошего игрока приведу! — Надо же, это тот парень из шестого отряда кричит, которого я сам позвал играть.

— У тебя игра не вяжется! — сказал Серёга авторитетно, — соберись! Играй энергично. — Это он таких слов по радио комментатора Вадима Синявского наслушался.

— А подите вы со своим футболом! —сказал я и вышел из gry.

Стал по лагерю бродить. Все делом заняты. В первом отряде плот строят. Во втором—девчонки с аккордеонистом песню учат. В третьем — газету выпускают, шахматный тур-

нир проводят и ещё выпиливают, только опилки столбом из-под лобзиков летят. Наши девчонки с Алевтиной вышивать учатся. Одному мне деваться некуда. Ходил я, ходил – и забрёл опять на кухню.

– Во! – сказал дядя Толя. Он точил пилу. – Опять наш Боря грустный. Чего стряслось?

Я подумал и рассказал всё как есть.

– Это тебя совесть мучит! Она, проклятая, иной раз житья не даёт! – Он встал, и пила в его руках блеснула, как большая рыба. – Умел кот сметану съесть – умеи, кот, и трёпку снести. Я так полагаю, должен ты у Алевтины прощения попросить. И не затягивай это дело. Давай иди извиняйся. Ну, чего мнёшься? Стыдно? А! Вот то-то. А ты подумай, что может хуже быть. А вдруг ваша пионервожатая решит, что в неё другой кто попал? И будет ему нарекание. Это значит, ты невинного человека под монастырь подведёшь.

Он ушёл в сарай, а я всё никак не мог пойти к пионервожатой. Ноги у меня как свинцом налились. Я походил по двору, попинал ногами щепки. Палец ушиб.

– Ты всё ещё тут? – Дядя Толя вышел из сарая. – Вот ты, братец мой, какая загвоздка. – Он даже в затылке почесал. – Ну что поделать, пойдём вместе! Я вроде как для поддержки. – Алевтина Дмитриевна! – сказал он тихонечко пионервожатой. – Вот тут молодой человек к вам дело имеет, а сказать стесняется.

– Что такое, Хрусталёв? – спросила Алевтина строго. –

Говори.

– Дело деликатное, – подмигнул дядя Толя. – Требуется оди-
ночества, с глазу на глаз.

Девчонки, что сидели вокруг Алевтины с иголками и нитками в руках, от любопытства шеи вытянули. У Ирины-Мальвины уши чуть не шевелятся.

Алевтина Дмитриевна встала, отошла ко мне, а дядя Толя стал рассматривать и удивляться, что там понавышивали девчонки. Он так ахал и разводил руками, что они забыли про меня.

– Ну, в чём дело, Хрусталёв?

– Алевтина Дмитриевна... – сказал я, и мне не хватило воздуха.—Алевтина Дмитриевна! Простите меня, пожалуйста, это я в вас подушкой попал. Я нечаянно, я не хотел! ..

Что тут случилось! Алевтина вдруг обняла меня за плечи! Заулыбалась!

– Ну что ты, Хрусталёв! Я, конечно же, тебя прощаю! Ну чего не бывает, я и забыла об этом...

Мне даже показалось, что она сейчас прыгать начнёт. И у меня сразу на душе стало хорошо и спокойно.

– Так что? – подошёл к нам дядя Толя. – Товарищ пионервожатая, в село я иду, насчёт молока к ужину. Надобен мне помощник. Вот Боря, я думаю, свободен... Может, отпустите его со мной?

– Да конечно, конечно! Пусть поможет. Ступай, Хрусталёв! – И она нам даже рукой помахала.

Глава четвёртая **ТЫ ГУЛЯЙ, ГУЛЯЙ, МОЙ КОНЬ!**

– Ничего нет лучше спокойной совести! – сказал дядя Толя, когда мы вышли за ворота лагеря.

– Это точно! – согласился я.

– Даже и мне на душе полегчало, как ты признался.

Дорога шла через лес, и солнце, которое уже повернуло на закат, светило сквозь деревья. Я ещё никогда не был в таком лесу, и мне здесь всё нравилось.

Какие-то птицы перелетали и свистали в кустах, высоченные сосны качали головами, жёлтые стволы их казались золотыми у вершин.

А за лесом был луг, и невидимые кузнечики стрекотали так, что звенело в голове.

– Здесь ходить безопасно!—сказал дядя Толя.—Здесь в прошлом годе сапёры всё вычистили. Уж возили они, возили этих мин да снарядов! Всё лето по ночам только и слышно было, как в карьере бабахало! Теперь у Берёзовки поля чистят. Я дня три назад ездил, так у них там гадости этой железной – горы!

– И оружие есть?

– Да там танки целые в земле закопаны, не то что оружие, век бы его не знать! Тут после войны жители по верёвке ходили.

– Как это?

– А вот так: пройдут сапёры, протянут тропу, верёвками,

значит, её огородят, вешками, вот народ вешек этих и придерживается. Чуть в сторону – подорвёшься. Сейчас-то уж все разминировали, немножко совсем осталось. А то и хлеб сеять негде. Вот за тем леском одно поле и осталось...

Мы вышли к реке. Она широко разлилась по топким лугам.

– Обожди-ко маленечко! – сказал дядя Толя. – Я сапоги сниму. Ну-ко тyani.

Я тянул изо всех сил. Стащил сапог с одной ноги, потом с другой. Дядя Толя закатал брюки, я тоже было хотел снять сандалии.

– Не надо! – сказал он. – Не разувайся, я тебя перенесу. И не успел я возразить, как он поднял меня на руки.

– Эва! Лёгонький-то ты какой! Как перышко. Каши, что ли, мало ешь? Держись за шею. А то скользко тут. Дно глинистое.

Я обхватил его руками, и он понёс меня, осторожно нащупывая ногами дно.

Я касался его колючей щеки, от него пахло махоркой и потом. Если был бы жив мой папа, у него тоже были, наверное, такие крепкие руки!

У дяди Толи была тёмно-коричневая от загара шея, вся в складках и морщинах. И я вдруг подумал, что он очень старый. Виски у него были совсем белые, а вокруг глаз мелкие морщинки, словно в стекло камешком попали и трещины пошли.

И совсем он не дядя, он – старик! И мне стало его так жалко, что я невольно обхватил его ещё сильнее.

– Не бойсь! Не бойсь, не сроню! Дошли уже, – запыхавшись, проговорил он. – Вот недельки через две мост доделают, тогда через брод ходить не надо будет, – сказал он, на берегу вытирая ноги тряпками и обуваясь. Помолчал и задумчиво протянул: – Да, кабы не война, мог бы у меня твоих лет внучок быть! Свободное дело.

– Когда я вырасту, – сказал я, – я из всех сил постараюсь, чтобы стать героем!

– Ну? Это зачем же?

– Чтобы всем, кто меня любит, был почёт и уважение во всём мире! Я один раз видел, как бабушку на машине с почётом везли: у неё сын Герой Советского Союза. И ещё я заработаю много денег. Куплю маме пальто! А то она в шинели ходит. Как пришла с войны, так в этой шинели и ходит. У Других тётенек пальто и шляпы, а у моей мамы только шинель перешитая! Я куплю ей пальто – первым делом. И вам куплю всё, чего вы хотите! Вы что любите?

– Спасибо, сынок! – ответил дядя Толя каким-то странным, сильным голосом и положил мне руку на плечо. – Мне ничего не надо. У меня всё есть. Я всем довольный.

– Я вам десять пар сапог куплю!

– Да куда мне десять? Ног-то у меня только две! – засмеялся дядя Толя.

– А вы своим друзьям отдадите!

– Эва!—опять засмеялся старик.—У меня в живых-то один дружок Коля-мордвин, ему и двух сапог много, он с фронта на деревянном коне приехал.

– На каком?

– На одной ноге, а другая – деревянная.

– Да я вам чего хотите подарю!..

– Так уж подарил, – сказал дядя Толя. – Ты хоть бы не забыл меня. Вырастешь, приедешь в гости – вот мне будет радость.

– Ох, как я к вам приеду! С оркестром! Может, даже на коне! Когда я вырасту большой, мне бабушка разрешит папину кубанку каждый день надевать! Я приеду в кубанке! Как раз у меня голова тогда подрастёт. В этом году за то, что я первый класс с почётной грамотой окончил, бабушка дала её один раз перед зеркалом померить, но она мне велика. Очень красивая кубанка, белая с красным верхом. Настоящая казачья военная кубанка, но мне ещё пока велика.

Я вспомнил тот день, когда бабушка внимательно прочитала почётную грамоту и надпись в книге, которую я получил за успешное окончание первого класса, за отличные оценки в учёбе и примерное поведение. Потом сняла фартук, причесалась, достала из комода папину кубанку и надела мне на голову.

Эту кубанку привезли папины товарищи после войны и сказали, что папа велел мне передать, когда умирал в госпитале. И вот я надел её первый раз в жизни! И голова моя

утонула.

Кубанка пахла дымом и ещё каким-то запахом, который я раньше никогда не встречал.

– Я похож на папу? – спросил я, смотрясь в зеркало.

– Вылитый, – ответила бабушка. И, уткнувшись в доннышко кубанки, заплакала.

– Приедешь – и хорошо, – сказал дядя Толя. – Вот за разговорами и дошли незаметно. Вон деревня.

Вдоль улицы с одной стороны стояли весёлые, с голубыми наличниками дома, а с другой были какие-то бугры с трубами, из них кое-где вились дымки.

– Немец деревню сжёг, – пояснил дядя Толя. – В землянках живут. Обстраиваются потихонечку. Вот уж пол-улицы построили. Не горюй! Построим лучше прежнего.

Мы прошли улицей; на крылечках сидели старушки, пугливые малыши в грязных рубашонках выглядывали из землянок два старика тесали жерди, приветливые псы махали хвостами и задирали ноги на брёвна, лежащие вдоль улицы.

– Сейчас в землянках, почитай, никто уже и не живёт, так вроде как кладовки, по старой памяти печки топят. – Дядя Толя словно извинялся за то, что я видел.

– Вокруг нашего дома в городе, – сказал я, – тоже всё сгорело. Наш дом каменный, четырёхэтажный, и ещё несколько домов каменных уцелело, а все деревянные сгорели. Я не помню, как они горели, а бабушка говорит – страшно было. Немцы совсем близко подошли. Мама на фронте, папа на

фронте. Эвакуация закончилась, а мы остались. Бабушка решила – будь что будет... Ничего, дядя Толя, всё построим! Ещё как построим!

И вдруг я почувствовал знакомый запах! Так пахла папина кубанка! Мы подошли к большому сараю. И я увидел живую лошадь! Этот запах шёл от неё. Я первый раз увидел так близко живую лошадь!

– Доброго здоровьичка! – сказал мужик с деревяшкой вместо ноги, что сидел на лавочке около конюшни. Дядя Толя присел рядом, они закурили, стали разговаривать про какие-то скобы, про шифер, про тёс... А я всё ходил вокруг лошади. Всё рассматривал её и упряжь, всё не мог надышаться её запахом.

Лошадь смотрела на меня фиолетовыми глазами, обмахивалась хвостом от мух, вздыхала, переступала. Огромная, тёплая, покрытая гладкой шерстью, она возвышалась над моей головой. Я стал рвать траву. Лошадь потянулась и шёлковыми губами приняла у меня из ладоней корм. Я гладил её по выпуклой груди, по животу, где под кожей проглядывали упругие жилы, и не мог оторваться.

– Вот как прилип! – сказал одноногий мужик. Это, наверное, и был дядя Коля-мордвин.

– Кровь его такая, – сказал дядя Толя. – Отец у него в казаках служил.

– Погиб?

– Известное дело! Кавалерия... Одна кубаночка с войны

возвернулась. Бабка внуку за великие заслуги её надевать даёт.

– Ишь ты!—сказал одноногий.—И заслуги имеет?

– А ты думал! Отличник—раз! Песни поёт! Так «Варяга» пел, как в Большом театре хор Пятницкого! Это два! И вообще парень исправный.

– Спел бы, – сказал инвалид.

– При другом случае. Сейчас молоко надо везти, к ужину не поспеем.

Мы сели в телегу.

– Ну!.. – сказал страшным голосом дядя Толя, и лошадь тронулась. Мордвин помахал нам кепкой. Мы заохали на ферму, где рогатые коровы рассматривали меня, как диковину, и шумно сопели блестящими, большими, как блюда, носами. Дядя Толя грузил бидоны на телегу.

Мы выпили молочка, и доярки посетовали, что нет хлеба.

– Ничо, бабоньки, – сказал дядя Толя. – Была б земля – хлеб будет. – И мы тронулись в обратный путь.

Мы поехали через деревню, с телеги мне было хорошо видно разбитые фундаменты и груды кирпичей на месте сожжённого села.

– Чего загрустил? – спросил дядя Толя. – Ты не дома жалеешь, ты людей жалеешь... Дома-то новые поставим, а людей не возвернёшь. Пошло нас на фронт девяносто три человека, а вернулось двое. А давай-ка мы с тобой spoём лучше! – И, не спрашивая моего согласия, передал мне вожжи.

Ух ты! Я правлю конём! Я правлю конём. Эта большая лошадь слушается, что я ей велю!

— Но, но!.. — кричу я и хлопаю вожжами, как взрослый, и она бежит рысцей. — Тпру!.. — и она замедляет бег и, кивая головой, обмахиваясь хвостом, трудолюбиво и споро тянет телегу.

Как по лужку при луне

При счастливой доле...—

запевает дядя Толя хрипловатым прокуренным голосом:

— Знаешь такую песню?

При знакомом табуне

Конь гулял по воле! —

подхватываю я и чувствую, как голос мой звенит и разносится далеко по лугам и лесам.

Дядя Толя одобрительно похлопывает меня своей огромной рукой по спине в такт словам, лошадь бумкает копытами скрипит телега.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,

Пока не споймаю!

Как споймаю, зануздаю

Шёлковой уздою...

— Пррри-ими-и-и! — слышу я крик сзади. Мальчишки болтая локтями, пролетают мимо на разномастных лошадёнках.

— В ночное поскакали, — говорит дядя Толя. — Ночью, значит, коней пасти будут.

«Какое счастье скакать на лошади!»—думаю я, и сердце

моё сжимается от зависти к этим мальчишкам, что пылят уже за бугром.

Солнце цепляется за кусты, оно стало красным и нежарким. Идёт вечер. Скоро наступит ночь. Первая ночь, которую я буду спать не дома. Впечатления дня распирают мою голову:

линейка, деревня, наказание и прощение, футбол – всё перемешалось. Но самое главное – кони, кони скачут, стоит мне только сомкнуть веки.

–

Кони скачут... – шепчу я, засыпая.

Глава пятая **ПРИВИДЕНИЯ В БОЛОТЕ**

– Вставай! Вставай! – кто-то шепчет мне в ухо, и с меня стягивают одеяло. Я открываю глаза и вижу Серёгу, он стоит, закутавшись в простыню, как в плащ. – Аида девчонок пугать!

– Не пойду я!

– Да ты не бойся! Тётя Паша спит уже, – шепчет Серёга. И правда, из-за загородки раздаётся такой храп, точно шкаф с посудой двигают или танк идёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.